

ЛОГИЧЕСКАЯ СИММЕТРИЯ И ЯЗЫКОВАЯ АСИММЕТРИЯ ОБОБЩАЮЩЕ-ЛИЧНЫХ ФОРМ ВЫРАЖЕНИЯ СУБЪЕКТА В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

LOGICAL SYMMETRY AND LINGUISTIC ASYMMETRY OF RESUMPTIVE PERSONAL FORMS OF SUBJECT EXPRESSION IN RUSSIAN AND GERMAN

**A. Chervony
E. Murashova**

Summary: The article focuses upon the analysis of resumptive personal forms of expression of the semantic subject on the material of artistic discourse, in particular on the material of the original and translated texts of M. Bulgakov's novel "The Master and Margarita".

The study illustrates the similarities and differences between the systems of denomination of the subject in the languages, presented above, and focuses on the manifestation of logical symmetry, which overcomes interlingual asymmetry due to the direct and indirect interchangeability of resumptive personal forms of expression of the semantic subject.

As a result of the analysis of the original and translated texts of M. Bulgakov's novel "The Master and Margarita", the following conclusion is made: there exists a directly proportional relationship between the degree of the expressed uncertainty and the degree of generalization of the resumptive personal ways of expressing the subject.

The subject missing in a Russian sentence in German often corresponds to man. At the same time, resumptive personal ways of expressing the subject in both Russian and German can be found both in active and passive constructions.

Keywords: a semantic subject, resumptive personal forms of expressing the subject, contextual analysis, comparative analysis.

Червоный Александр Михайлович

Д.филол.н., доцент, Таганрогский институт
имени А.П. Чехова (филиал) ФГБОУ ВПО «РГЭУ (РИНХ)»
skutrik@yandex.ru

Мурашова Евгения Анатольевна

к.филол.н., доцент, Таганрогский институт
имени А.П. Чехова (филиал) ФГБОУ ВПО «РГЭУ (РИНХ)»
shenetschka@rambler.ru

Аннотация: В статье на материале художественного дискурса, в частности на материале оригинального и переводного текстов М. Булгакова «Мастер и Маргарита», рассматриваются обобщающе-личные формы выражения семантического субъекта.

Исследование иллюстрирует сходство и отличие систем обозначения субъекта в означенных языках и концентрирует особое внимание на проявлении свойства логической симметрии, преодолевающей межъязыковую асимметрию за счет прямой и косвенной взаимозаменяемости обобщающе-личных форм выражения семантического субъекта.

В результате анализа оригинального и переводного текстов М. Булгакова «Мастер и Маргарита» делается вывод о наличии прямо пропорциональной зависимости объёма выражаемой неопределённости и объёма обобщения обобщающе-личных способов выражения субъекта.

Отсутствующему в русском предложении подлежащему в немецком языке часто соответствует man. При этом обобщающе-личные способы выражения субъекта и в русском, и в немецком языке могут реализовываться как в активных, так и в пассивных высказываниях.

Ключевые слова: семантический субъект, обобщающе-личные формы выражения субъекта, контекстуальный анализ, сопоставительный анализ.

Изучение форм представления субъекта является одним из актуальных направлений современной лингвистической науки. Узкоспециальное описание средств, репрезентирующих субъект в пределах отдельных языковых/речевых уровней, сменяется попытками системного описания широкой номенклатуры вариантов вербализации значения «субъект» в текстах различных жанров. Развитию этой общенаучной тенденции в том числе должно способствовать представляемое исследование способов выражения семантического субъекта на материале обобщающих высказываний романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его переводов на немецкий язык.

Лексико-грамматические соответствия и межъязыковая асимметрия обобщающе-личных форм выражения

субъекта в русском и немецком языках анализируются в представляемом исследовании с применением алгоритмов контекстуально-сопоставительного анализа, ориентированного также на исполнение основных положений антропоцентрической и системно-структурной научных парадигм.

Изучение обобщающе-личных форм выражения субъекта в русском и немецком языках проводится в идентичном контексте, с целью установления дифференцирующих компонентов их значений. Частотность зафиксированных форм рассматривается как основание для представления их иерархической последовательности.

Семантический субъект (субъект) трактуется в нашем исследовании как активное действующее лицо, реализующее

щее в условиях заданной коммуникативной ситуации при- сущие ему речемыслительные функции (Арутюнова 1990: 497-498, Червоный 2019: 432-440, Eisenberg 1999: 274).

Предположив, что формы выражения семантическо- го субъекта в различных языковых системах, в том числе в русской и в немецкой, в целом в силу идентичных па- раметров реализации речемыслительных функций ком- муникантов обладают логической симметрией, мы об- ратились к непосредственно к текстам художественного дискурса, наиболее развёрнуто воплощающим модели- руемые носителями конкретных языков естественные картины мира. Одной из целей нашего исследования было выявление наличия и уточнение параметров воз- можной межъязыковой асимметрии вербальной объ- ективизации значения «субъект» в системах русского и немецкого языков.

Реализация алгоритмов контекстуально-сопоста- вительного анализа на материале романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его переводов на немецкий язык позволила нам зафиксировать наличие объёмной номенклатуры лексических и морфосинтаксических средств выражения семантического субъекта в систе- мах русского и немецкого языков (Червоный, Мурашова 2020, Chervoniy, Murashova, Demonova 2020). В данной статье представим описание той части этой номенкла- туры, которая характеризуется наличием компонентов обобщающе-личного значения.

Обобщающе-личное значение лексических и морфо- синтаксических средств реализуется в том случае, если с их помощью осуществляется указание на действие, вы- полняемое не одним, а несколькими лицами. Уровень обобщения может при этом существенно отличаться, например, при отождествлении одного, нескольких или неограниченного множества участников коммуни- кативного акта: отправителя и получателя; отправителя, получателя и других обозначаемых / подразумеваемых субъектов.

В ряду форм с обобщающе-личным значением была выделена репрезентативная группа средств, с помощью которых отождествляются отправитель и получатель, в экстралингвистической реальности представляющие фактически одно и то же лицо. Такие средства мы от- носим к обобщающе-личным формам выражения субъ- екта, руководствуясь, во-первых, собственно наличием некоего обобщающего смысла (семантический критерий) (ты = я), во-вторых, ориентируясь на формальный при- знак – в русском языке: наличие в односоставном пред- ложении сказуемого во 2-м лице ед. числа, в русском и в немецком языках: наличие в двусоставном предложе- нии подлежащего и сказуемого во 2-м лице ед. числа (синтаксический критерий):

– Ну, что ж **поделаешь**: человек смертен и, как

справедливо сказано было, внезапно смертен (Булгаков 1984: 106),

*– Душенька, милочка, красавица, – засипел Коровьев, переваливаясь через прилавок и подмигивая продавщи- це, – не при валюте мы сегодня... ну что **ты поделаешь!** (Булгаков 1984: 323).*

В немецком языке таким высказываниям соответ- ствуют, как правило, высказывания с формальным субъ- ектом, выраженным **es** или неопределённо-личным ме- стоимением **man** (Marschall 1996: 96, Oppenrieder 2021: 245, Zifonun 2020: 234). Наличие подлежащего при этом обязательно:

*– Was **soll's**? Der Mensch ist sterblich, und wie ganz richtig gesagt wurde, stirbt er manchmal sehr plötzlich (Bulgakov 1985: 163),*

*– «Mein Herzchen, mein Liebchen, mein Schönchen», säuselte Korowjew, beugte sich weit über den Ladentisch und zwinkerte der Verkäuferin zu, «wir sind heute nicht bei Devisen, aber was **soll man da machen?** (Bulgakov 1985: 490).*

В качестве сказуемого во 2-м лице ед. числа в пред- ложениях с обобщающе-личным значением в русском языке может выступать возвратный глагол, помимо обобщающего значения реализующий также значение алетической возможности:

*Да, впрочем, меня и нельзя строго винить за это – ведь не каждый же день **встречаешься** с нечистой силой! (Булгаков 1984: 342).*

В немецком языке таким формам соответствуют ин- финитивные формы с частицей *zu*:

*– Im Übrigen darf man nicht zu streng darüber urteilen, schließlich hat **man** nicht jeden Tag mit dem Bösen **zu tun!**» (Bulgakov 1985: 518).*

В русском языке сказуемое предложений с обобща- юще-личным значением, реализующее значение алетич- еской возможности, часто бывает выражено глаголом совершенного вида (Бондарко 1971: 22, Бондарко 2011: 164; Падучева 2012: 37):

Но, право, как **подумаешь** о том, насколько микро- скопически малы их возможности по сравнению с воз- можностями того, в чьей свите я имею честь состоять, становится смешно и, даже я бы сказал, грустно (Булга- ков 1984: 234).

Реже встречаются конструкции с глаголом несовер- шенного вида, реализующие то же значение:

*– Совершенно верно, – согласился со своим неразлуч- ным спутником Коровьев, – и сладкая жуть подкаты- вает к сердцу, когда **думаешь** о том, что в этом доме сейчас поспевает будущий автор «Дон Кихота», или «Фауста», или, черт меня побери, «Мертвых душ»! А? (Булгаков 1984: 234).*

Такие высказывания строятся, как правило, с отсылкой на личный опыт отправителя. При этом, актуализируя односоставные предложения со сказуемым во 2-м лице ед. числа, отправитель условно делает получателя равноправным участником коммуникативной ситуации (ср. Падучева 1996: 213).

В немецком языке видовая оппозиция глаголов отсутствует:

– Wenn **man** freilich daran **denkt**, wie mikroskopisch klein ihre Möglichkeiten sind im Vergleich zu den Möglichkeiten desjenigen, dessen Suite anzugehören ich die Ehre habe, dann wird einem komisch und, ich will mal sagen, traurig zumute. (Bulgakov 1985: 353-354),

–»Völlig richtig«, pflichtete Korowjew seinem unzertrennlichen Begleiter bei, «und ein süßes Erschauern rieselt zum Herzen, wenn **man** daran **denkt**, dass in diesem Haus der künftige Autor eines ‚Don Quijote‘ heranreift oder eines ‚Faust‘ oder, hol mich der Teufel, der ‚Toten Seelen! Nicht?« (Bulgakov 1985: 494).

Наиболее близки к означенной группе форм выражения субъекта, с помощью которых отождествляются отправитель и получатель, в объективной реальности представляющие фактически одно и то же лицо, в русском языке – это односоставные предложения со сказуемым в 1-м лице мн. числа, в русском и в немецком языках это – двусоставные предложения с подлежащим и сказуемым в 1-м лице мн. числа при условии соблюдения отмеченного выше семантического критерия. Такие предложения предполагают наличие подразумеваемого субъекта (ср. Падучева 2011 – эгоцентрический нуль), активного участника речевого акта. Иногда подразумеваемый субъект может становиться выраженным (Пешковский 2001: 374):

Но какую телеграмму, **спросим мы**, и куда? (Булгаков 1984: 234),

Aber was für ein Telegramm? **fragen wir** (Bulgakov 1985: 84);

Здесь отправитель отождествляет себя с другими участниками коммуникации, причисляя себя к их кругу (мы = я).

В подобных предложениях также имеет место реализация указания на возможность совершения отправителем какого-либо действия:

О, как торжествовал бы Иван, если бы следователь явился к нему пораньше, хотя бы, **скажем**, в ночь на четверг, когда Иван буйно и страстно добивался того, чтобы выслушали его рассказ о Патриарших прудах (Булгаков 1984: 311),

Oh, wie hätte Iwan triumphiert, hätte ihn der Untersuchungsführer etwas früher aufgesucht, **sagen wir**, in der Nacht zum Donnerstag, als Iwan stürmisch und leidenschaftlich forderte, man solle seinen Bericht anhören! (Bulgakov 1985: 472).

Обобщённо-личные предложения в русском языке могут иметь обратное значение, указывая на то, что действие не исполняется ни отправителем, ни кем-либо из участников коммуникации (ни ты, ни я):

– Если все сдал, то нам надлежит немедленно расстаться с Сергеем Герардовичем, что же **поделаешь!** (Булгаков 1984: 151).

В немецком языке в эквивалентных значениях в качестве средства, обозначающего подразумеваемого актанта, актуализируется *man* (во французском *on*, в английском *one* или *you*) (Гак 2000, Malamud 2012: 18f, Muller 1979):

– Wenn er alles abgeliefert hat, müssen wir uns ungesäumt von Sergej Gerardowitsch trennen, da **kann man nichts machen!** (Bulgakov 1985: 231).

В таких высказываниях объём выражаемого значения шире. Поскольку в соответствующем контексте они могут обозначать не только отправителя и получателя, и других участников коммуникации, но и более широкий круг лиц.

Ещё более широкое значение в русском языке имеют односоставные неопределённо-личные предложения со сказуемым в третьем лице множественного числа с нулевым антецедентом (в терминах Падучевой – с третьим личным нулём, Падучева 2012: 29):

– Мне **говорили**, что мой отец был сириец... (Булгаков 1984: 17)

– Когда же **говорили**, что Аркадий Аполлонович своими глазами видел этого мага на сеансе, Китайцев только разводил руками и поднимал глаза к небу (Булгаков 1984: 309).

В немецком языке этим формам также соответствуют формы с *man*:

– **Man hat mir gesagt**, mein Vater sei ein Syrer gewesen ... (Bulgakov 1985: 231),

– Als **man ihm sagte**, Semplejarow habe mit eigenen Augen den Magier in der Vorstellung gesehen, breitete er nur die Arme aus und blickte gen Himmel (Bulgakov 1985: 468-469).

В русском языке в односоставных неопределённо-личных предложениях со сказуемым в третьем лице может реализовываться как совершенный, так и несовершенный вид глагола, выполняющего роль сказуемого:

– Варенуху **успокоили**, как **умели, сказали**, что **охранят** его и без всякой камеры... (Булгаков 1984: 314).

При этом несовершенный вид, помимо обобщающего значения может эксплицитировать значение деонтической возможности:

– Воланд в сорочке сидел на постели, и только Гелла не растирала ему ногу, а на столе, там, где раньше **играли** в шахматы, накрывала ужин. (Булгаков 1984: 256) (здесь, играли = обычно играют).

В немецком языке те же функции выполняют конструкции с неопределённо-личным местоимением *man*:

– *Man beruhigte Warenych, so gut es ging, sagte ihm, man werde ihn auch ohne gepanzerten Raum schützen ...* (Bulgakov 1985: 476),

– *Voland saß im Nachthemd auf dem Bett, nur rieb ihm Gella nicht mehr das Bein ein, sondern servierte auf dem Tisch, an dem **man** vorher Schach **gespielt hatte**, ein Abendessen* (Bulgakov 1985: 387).

Количественная характеристика референта в односоставных неопределённо-личных предложениях со сказуемым, выраженным глаголом как совершенного, так и несовершенного вида в третьем лице множественного числа с нулевым antecedентом в русском языке и в двусоставных неопределённо-личных местоимениях с *man* в немецком языке выводится исключительно из контекста:

– *И у Ивана **выспросили** решительно все насчет его прошлой жизни, вплоть до того, когда и как он болел скарлатиною, лет пятнадцать тому назад* (Булгаков 1984: 79),

– ***Man fragte** ihn nach seinem bisherigen Leben aus, sogar danach, wie sein Scharlach vor fünfzehn Jahren verlaufen sei* (Bulgakov 1985: 122);

– *Подковка действительно была золотая с бриллиантами? – **спрашивали** Аннушку.* (Булгаков 1984: 315),

– *«Das Hufeisen war tatsächlich aus Gold mit Brillanten?» **fragte man** Annuschka* (Bulgakov 1985: 477).

В русском языке валентные свойства глагола, выступающего в качестве сказуемого в третьем лице множественного числа в неопределённо-личном предложении, ограничиваются именительным падежом. В немецком языке таким предложениям соответствуют конструкции с неопределённо личным местоимением *man* (Падучева 2012: 29; Плунгян 2011: 264), где данные местоимения также стоят исключительно в именительном падеже:

– *Там с Никанором Ивановичем, ..., **вступили** в разговор, но разговор вышел какой-то странный, путаный, а вернее сказать, совсем не вышел.* (Булгаков 1984: 147),

– *Dort **war man** mit Nikanor Iwanowitsch, ..., ins Gespräch **gekommen**, aber es war ein sonderbares, wirres Gespräch, genauer gesagt, es war überhaupt kein Gespräch* (Bulgakov 1985: 224).

Исследование произведения М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его переводов на немецкий язык показывает, что обобщающие-личные способы выражения субъекта реализуются, как правило, в предложениях со сказуемым в активном залоге.

– ***Говорили** о том, ... что **накрыли** типографию фальшивых бумажек волшебного типа на Садовой улице* (Булгаков 1984: 316),

– *Лишь после того, как администратору **сказали**,*

что ... (Булгаков 1984: 314).

В немецком языке в данных значениях также реализуется преимущественно активный залог:

– ***Es hieß**, ... in der Sadowaja **habe man** eine verhexte Falschgeldruckerei **ausgehoben**, eine Bande ...* (Bulgakov 1985: 479),

– *Erst als man ihm sagte, ...* (Bulgakov 1985: 476).

В некоторых случаях значимость субъекта, совершающего действие, снижается настолько, что место активных форм в русском языке в немецком языке занимают пассивные формы:

– *Наихудшие страдания ей причиняло правое колено, которое **целовали**.* (Булгаков 1984: 251),

– *Die größte Pein bereitete ihr das rechte Knie, das ständig **geküsst wurde*** (Bulgakov 1985: 379).

Существует точка зрения, что в русском языке страдательные формы в высказываниях с обобщающе-личным значением образуются преимущественно от глаголов психологического состояния (Тестелец 2001: 312, Падучева 2012: 29). По нашим наблюдениям в высказываниях с обобщающе-личным значением также актуализуются страдательные формы глаголов говорения. При этом в немецком языке в данной позиции актуализируются причастия. Исследованная выборка примеров в целом подтверждает это положение:

– *Оба собеседника помолчали в тревоге, но, успокоившись, вернулись к **прерванному** рассказу* (Булгаков 1984: 135),

– *Die beiden schwiegen verstört, doch nachdem sie sich beruhigt hatten, kehrten sie zu der **unterbrochenen** Erzählung zurück* (Bulgakov 1985: 208).

Ещё одним обобщающе-личным средством выражения субъекта являются атрибутивы, не имеющие собственно страдательного значения:

– *... но разговаривать с **влюбленными** женщинами – слуга покорный* (Булгаков 1984: 211),

– *Aber mit **verliebten** Frauen zu sprechen, na, besten Dank!* (Bulgakov 1985: 320).

Все представленные обобщающие-личные способы выражения субъекта отличаются наличием свойства выражать ту или иную степень неопределённости обозначаемого референта.

Данная неопределённость может маркировать неизвестность отправителю каких-либо качественно-количественных характеристик референта / референтов. Например, отправителю неизвестно, кто пришёл или сколько человек пришли:

– *Теперь сбилось его мечтание помочь поймать консултанта, ему не нужно было ни за кем уже бегать, к нему самому **пришли** именно затем, чтобы выслушать*

его повесть о том, что произошло в среду вечером. (Булгаков 311-312),

– *Jetzt war sein Traum, den Konsultanten fangen zu helfen, in Erfüllung gegangen, er brauchte nicht mehr anderen hinterherzurennen, **man kam** von selbst zu ihm, eigens um zu hören, was am Mittwoch Abend geschehen war* (Bulgakov 1985: 472).

Такая неопределённость может быть естественной (в случае первого упоминания) или интенционально обусловленной (в случае, если отправителю необходимо подчеркнуть наличие данного качества). В случае первого упоминания в обобщающем предложении, как правило, описывается единичная лингвистическая или экстралингвистическая ситуация:

– *Ваш роман **прочитали**, – заговорил Воланд, поворачиваясь к мастеру, – и **сказали** только одно, что он, к сожалению, не окончен* (Булгаков 1984: 354) (*прочитал. сказал Бог*),

– *«Man hat Euren Roman gelesen», sagte Voland zum Meister, «und man bemerkt dazu nur das eine, dass er leider nicht vollendet ist* (Bulgakov 1985: 534).

В случае, если имеет место быть многократность совершения отображаемого действия, использование обобщающе-личных способов выражения субъекта воспринимается как стилистически маркированное, нарушающее конвенционально закреплённые языковые нормы:

– *Тогда, что же **поделаешь**, приходится разговаривать ему с самим собою* (Булгаков 1984: 354),

– *Somit **bleibt ihm nichts** anderes übrig, als mit sich selbst zu sprechen* (Bulgakov 1985: 535).

Понижение коммуникативного ранга каузатора в условиях заданной коммуникативной ситуации может быть сигналом несущественности качественно-количественных характеристик референта / референтов не только для отправителя, но и для получателя:

– ***Привезли** вас сюда связанным* (Булгаков 1984: 82),

– ***Man hat Sie gefesselt hierhergebracht*** (Bulgakov 1985: 127).

Неопределённость обобщающе-личных средств выражения субъекта может быть также средством выражения родового статуса референта. При этом подчёркивается, что обозначаемый субъект не является отправителем в транслируемой ситуации (референт исключается из круга лиц, мыслимых в качестве субъекта-подлежащего), его позиция противопоставляется наличествующей:

– *Котам обычно почему-то **говорят** «ты», хотя ни один кот никогда ни с кем не пил брудершафта* (Булгаков 1984: 268),

– *Kater **werden** aus irgendwelchen Gründen gewöhnlich mit **angeredet**, obwohl noch niemals ein Kater mit irgendwem Bruderschaft getrunken hat.»* (Bulgakov 1985: 405).

Речь может идти о противопоставленности одного лица некому множеству, к которому это лицо не принадлежит из-за наличия определённой характеристики:

– *Удивительно было то, что из кармашка, где обычно **мужчины носят** платочек или самопишущее перо, у этого гражданина торчала обглоданная куриная кость* (Булгаков 1984: 207),

– *Erstaunlicherweise ragte aus seiner Brusttasche, wo die **Männer** sonst ein Tüchlein oder einen Füllhalter zu **tragen pflegen**, ein abgenagter Hühnerknochen* (Bulgakov 1985: 315).

Кроме того, в ходе исследования мы отметили, что неопределённость обобщающе-личных средств выражения субъекта может быть способом дистанцирования / отграничения отправителя от референта, выраженного посредством речевого средства с обобщающе-личным значением. За счёт этого достигается объективизация сообщаемой информации:

– *Он перестал ворочаться и стонать, задышал легко и ровно, и его **оставили** одного* (Булгаков 1984: 148) (*действие свершилось не по воле говорящего, а в силу обстоятельств*),

– *Er hörte auf zu stöhnen und sich zu wälzen, atmete leicht und gleichmäßig, und **man ließ** ihn allein* (Bulgakov 1985: 226).

Это в некоторой степени объясняет частотность использования обобщающе-личных способов выражения субъекта в передаче косвенной речи, в том числе глаголов говорения в страдательной форме:

– ***Спрашивается**: возможно ли, действуя таким образом, кого-либо поймать или арестовать?* (Булгаков 1984: 82),

– *Nun **fragt sich**: Konnten Sie, wenn Sie so handelten, jemand fangen oder festnehmen?* (Bulgakov 1985: 127).

Сформулируем основные выводы, полученные нами в ходе контекстуально-сопоставительного анализа форм с обобщающе-личным значением на материале романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его перевода на немецкий язык.

Таким образом, формы выражения семантического субъекта в русской и немецкой языковых системах в силу идентичных параметров реализации речемыслительных функций коммуникантов стремятся к логической симметрии, преодолевая межъязыковую асимметрию за счёт прямой и косвенной взаимозаменяемости обобщающе-личных способов выражения.

При определении конкретного референта в предложениях с реализованными обобщающе-личными способами выражения субъекта большое значение имеет рассмотрение контекста.

В русском языке обобщающе-личные способы выражения субъекта могут актуализироваться в предложении

ях с наличествующим и с отсутствующим подлежащим. В немецком языке, как правило, обобщающе-личные способы выражения субъекта реализуются в предложениях с наличествующим подлежащим. Отсутствующему в русском предложении подлежащему в немецком языке часто соответствует *man* (ср., во французском *on*, в английском *one* или *you*).

Эксплицитно или имплицитно обозначаемый с помощью обобщающе-личных средств выражения субъекта референт преимущественно является лицом, человеком, а не какой-либо произвольной сущностью.

Обобщающие-личные способы выражения субъек-

та не подразумевают того, что обозначаемый с их помощью референт обязательно является отправителем текста или субъектом, выполняющим или испытывающим действие.

Обобщающие-личные способы выражения субъекта отличаются общим свойством выражать ту или иную степень неопределённости обозначаемого референта.

Объём обобщения выражения субъекта прямо пропорционален объёму выражаемой ими неопределённости. Обобщающие-личные способы выражения субъекта реализуются как в активных, так и в пассивных высказываниях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н.Д. 1990. Субъект. Лингвистический энциклопедический словарь. Москва. 685 с.
2. Бондарко, А.В. 1971. Вид и время русского глагола. Москва. 239 с.
3. Бондарко, А.В. 2011. Категоризация в системе грамматики. Москва: Языки славянских культур. 483 с.
4. Булгаков, М.А. 1984. Мастер и Маргарита: Роман. Москва: Современник. 367 с.
5. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. – М.: Добросвет, 2000.
6. Падучева, Е.В. 1996. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. Москва. 480 с.
7. Падучева, Е.В. 2012. Неопределённо-личное предложение и его подразумеваемый субъект. Вопросы языкознания. № 1. Москва: РАН, стр. 27-41.
8. Пешковский, А.М. 2001. Русский синтаксис в научном освещении. Москва. 510 с.
9. Плунгян, В.А. 2011. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. Москва.
10. Тестелец, Я.Г. 2001. Введение в общий синтаксис. Москва. 796 с.
11. Червоный А.М. 2019. Семантический субъект в обобщающих высказываниях русского и французского языков. Сборник статей по итогам IV-й международной конференции «Язык и действительность». Научные чтения на кафедре романских языков им. В.Г. Гака». Том 3. Москва: Спутник, стр. 432- 440.
12. Червоный А.М., Мурашова Е.А. Лексические и морфосинтаксические средства выражения семантического субъекта в обобщающих высказываниях немецкого и русского языков // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Гуманитарные науки. №9. – 2020. – С. 185-188.
13. Bulgakov, M. 1985. Gesammelte Werke; Teil: Bd. 3., Der Meister und Margarita : Roman [aus dem Russ. von Thomas Reschke]. Berlin : Verl. Volk und Welt, 513 S.
14. Chervoniy A.M., Murashova E.A., Demonova Yu.M. Semantic meaning and functions of man and on for denotation of a subject // International conference «The Individual and Society in the Modern Geopolitical Environment». ISMGE 2020. e-ISSN: 2357-1330. – Pp. 179-186. DOI: 10.15405/epsbs.2020.12.04.22.
15. Eisenberg, P. 1999. Grundriss der deutschen Grammatik. Band 2: Der Satz. Stuttgart; Weimar: Metzler. 551 S.
16. Malamud S.A. "Impersonal indexicals: one, you, man and du. Impersonal indexicals" in DRAFT // Journal of Comparative Germanic Linguistics, 2012. URL: <http://people.brandeis.edu/~smalamud/malamud-JCGL-web-draft.pdf>.
17. Marschall G.R. "Was bezeichnet man? Das indefiniteste „Indefinitpronomen“ und seine Verwandten" // Perennec, Marie-Helene (Hrg.), Pro-Formen des Deutschen, Tübingen: Staufenburg Verlag, S. 87-97, 1996.
18. Muller Ch. Sur les emplois personnels de l'indéfini «on » dans langue française et linguistique quantitative. Genève. Slaktine; 1979. – p. 65-72.
19. Oppenrieder W. "Von Subjekten, Sätzen und Subjektsätzen" // Untersuchungen zur Syntax des Deutschen, Berlin/Boston: De Gruyter, Reprint 2010. – URL: http://www.degruyter.com/search?f_0=isbn&q_0=9783111356426&searchTitles=true (Verlag). 03.05.2021.
20. Zifonun G. "«Man lebt nur einmal». Morphosyntax und Semantik des Pronomens man" // Deutsche Sprache Jg. 28 (2000), H. 3, S. 232-253, 2000.

© Червоный Александр Михайлович (ckutrik@yandex.ru), Мурашова Евгения Анатольевна (shenetschka@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»